
С. А. ЕМЕЛЬЯНОВ

**АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ**

Весьма неоднозначные результаты переживаемого в настоящее время очередного этапа модернизации (то есть «вестернизации») России, сопровождающегося в том числе и «реформированием» системы образования (что, по сути дела, сводится к сокращению государственного финансирования), заставляют в очередной раз задуматься о специфике модернизационных процессов в России, их движущих силах и условиях успешного осуществления. В этом русле весьма важной задачей представляется анализ модернизационных процессов в России в контексте проблемы альтернативности социально-экономического развития.

Этот анализ требует учета соотношения в социально-экономическом развитии возможности и действительности, необходимости и случайности, а также субъективного и объективного факторов, то есть такое исследование направлено на проникновение в *сущность* процесса общественных преобразований.

Объективная реальность (в том числе и реальность социальная) противостоит субъекту, стремящемуся осознанно овладеть этой реальностью в познавательных или практически-прикладных (то есть преобразовательных) целях. Эта действительность, с одной стороны, обладает многообразными сторонами, свойствами и связями, которые выражают ее внутреннюю сущность и способы функционирования. С другой стороны, этой действительности, как и всякой материи, присуще развитие на основе внутренних противоречий, потенциалов и тенденций, что приводит к переходу от одних состояний к более высоким по уровню развития и формам другим состояниям. Следовательно, действительная жизнь и действитель-

ная история включают в себя различные тенденции. Наличие в действительности различных свойств и потенций, которые при определенных условиях могут привести к новой реальности, и образует возможности, заключенные в действительности. Возможность и действительность взаимосвязаны. Возможность – это потенциальная, грядущая действительность. Реальная действительность – это реализованная, осуществленная возможность.

Действительность может содержать либо одну, либо несколько возможностей для перехода в иное состояние. В первом случае такой переход будет иметь однозначно-закономерный (необходимый) характер. Во втором случае превращение той или иной возможности в новую реальность имеет случайно-закономерный, вероятностный, *альтернативный* характер.

Для превращения возможности в действительность необходимы определенные условия. В общественно-экономическом развитии эти условия складываются в результате действия *субъективно-го* фактора, так как возникшая возможность сама по себе составляет лишь объективную предпосылку для перехода к новой реальности.

Роль субъективного фактора состоит в неосознанном или осознанном выборе той или иной из имеющихся возможностей. Очевидно, что неосознанный выбор связан с неосознанным (стихийным) интересом и направлен в конечном итоге на повышение уровня личного благосостояния и улучшение качества своей собственной жизни. Осознанный интерес и сознательный выбор могут состоять в готовности не зарабатывать средства для удовлетворения все возрастающих материальных потребностей, а работать для реализации достаточно значимой социальной идеи и улучшения качества жизни в государственных масштабах.

Для формирования такого осознанного интереса необходимо «опережающее развитие общественного сознания и *общественного интеллекта*» (по А. И. Субетто), опирающееся, в свою очередь, на органичное социально-культурное наследование национальных ценностей и традиций. Можно предположить, что функции опережающей рефлексии (антиципации) общественного интеллекта на основе социально-культурного наследования должна выполнять (при подготовке революционного способа осуществления модерни-

зационных процессов) сила, стремящаяся к политической власти, или (после «победы революции») сама политическая власть в тесной связи с такими важными социальными институтами, как наука и образование. Для соединения передовых социальных идей с тем социальным слоем, на который власть опирается, необходимо, очевидно, чтобы сами эти идеи (по крайней мере, косвенно) были связаны с научными достижениями эпохи и еще более тесно связаны с **идеологией**.

Наука позволяет познать объективные законы общественного развития (и в определенной мере их национальную специфику) и в тесной связи с идеологией сформировать и внедрить в общественное сознание те или иные **социальные идеалы**, соединяя их с обыденными **целями** и социальными «генами» людей. Таким образом, «инстинктам масс» дается теоретическое обоснование, и обыденный уровень общественного сознания поднимается до теоретического, что и позволяет субъектам истории делать правильный исторический выбор на «развилках» истории (в точках «бифуркации»).

Для того, чтобы социальные изменения приобретали характер поступательного социально-экономического **развития**, новое должно не отрицать полностью старое, а **вырастать** из материалов старой уходящей действительности. Прошлое как бы порциями «выталкивается» из системы. При этом «прошлое время» в социальной системе «материализуется» в форме традиций, структуры, поведенческих норм, стереотипов, «памяти системы», а «будущее время» в системе «материализуется» в форме изменчивости¹. Так как прошлое восстановить невозможно, то, выражаясь точно, речь идет о поддержании связи с ним, о **продолжении** того ценного, что существовало и развивалось в прошлом. Народу нужны традиции, как дереву корни; без традиции он вообще не народ, а всего лишь аморфная, ненадолго собравшаяся толпа.

При реализации функций социально-культурного наследования и передаче социальных «геномов» достаточно большую роль играет передача уже готового знания и формирование человека по «образу», который дается ему от рождения, то есть «генетически». Эту

¹ См.: Вопросы системогенетики. Теоретико-методологический альманах / гл. ред. А. И. Субетто. – Кострома: изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. – С. 9.

задачу выполняет такой социальный институт, как образование. В этом отношении можно сказать, что образование имеет большое значение в воспроизводстве человека.

Следует при этом, очевидно, различать образование и науку как социальные институты, могущие выполнять функции соответственно социально-культурного наследования и опережающего развития общественного интеллекта, и образовательные и научные **учреждения и организации**, являющиеся частью социума и болеющие всеми его болезнями. Образовательные и научные учреждения (так же, как и СМИ) всегда находятся в руках существующей власти и используются ею для укрепления своего положения и могущества. Следовательно, образование и наука могут выполнять свои функции только в том случае, если сама власть действует в контексте социальной наследственности.

Само по себе знание в России никогда не было орудием власти – ни в монархический, ни в советский периоды. В России нельзя было вслед за Р. Бэконом сказать: «Знание – сила» (или «знание – власть»). Монархическая власть опиралась не на рациональное знание (которое в России появилось только в XVIII в. после петровских преобразований), а в конечном итоге на православную традицию.

Необходимо заметить, что все попытки реформирования России в западном направлении «сверху», начиная с преобразований Петра I, заканчивались обычно не преобразованием российского социума, а укреплением государственной власти. Образовательные и научные учреждения, созданные самой самодержавной властью, не могли обеспечить опережающего развития общественного сознания. Даже во второй половине XIX в. царское правительство боялось увеличения числа грамотных людей, достаточно неоднозначно относилось к проблеме увеличения количества научных кадров, не желая в конечном итоге пополнения привилегированных сословий выходцами из средних и низших слоев русского общества, хотя противоречиво и запоздало развивающийся капиталистический способ производства требовал постоянного роста числа образованных людей, в том числе и специалистов высокой квалификации. Постоянное противоречие этих двух тенденций в политике правящих кругов приводило к дефициту научных кадров и профессорско-преподавательского состава высшей школы.

Следует не забывать, что возникновение науки в России в начале XVIII в. явилось следствием петровских преобразований (а не их причиной) и под термином «наука» еще в первой половине XIX в. понималось и высшее образование, а иногда и просвещение в целом. Не существовало тогда и четкого определения такого понятия, как «ученый». Почти все члены Петербургской академии наук вмещали в себе две социальные функции: одна была связана с научными исследованиями, а другая – с преподаванием.

Образовательные учреждения в России, имевшие в целом сословный характер, несомненно, отражали все противоречия социально-экономического развития страны и в конечном итоге выполняли функцию социально-культурного наследования. В целом же наука как часть культуры была пронизана борьбой нового со старым, прогрессивного с реакционным.

Необходимо при этом учитывать, что зарождающиеся во второй половине XIX в. капиталистические отношения нельзя было признать безусловно прогрессивными; по сути дела, Россия боролась против двух зол одновременно – против пережитков крепостничества и против нарождающегося капитализма.

Все не слишком многочисленные попытки реформирования России «снизу» – иррациональные русские бунты С. Разина и Е. Пугачева, имевшие своей целью освобождение крестьян, – разбивались о государственную мощь. Неудача этих движений была предопределена: если освобождение крестьян в XVIII–XIX вв. было для верховной власти чрезвычайно трудным делом, то вероятность освобождения крестьян *против* государства и власти можно было считать практически равной нулю. Основной причиной данной невозможности следует, очевидно, считать преобладание *стихийных* интересов в народном крестьянском общественном сознании, сводящихся в конечном итоге к улучшению условий жизни, и практически полное отсутствие *осознанных* интересов, то есть *отсутствие опережающего развития общественного интеллекта*.

Естественно, что образовательные и научные учреждения до-реформенного периода не могли обеспечить соответствующую антиципацию общественного сознания ввиду их сословного характера. В XVIII–XIX вв. европеизировалась лишь элита. Между «верхним» и «нижним» этажами русской культуры не было почти ничего

общего, был практически полный раскол. Жили как бы на разных планетах.

Социальная и культурная асимметрия создавала огромное напряжение в российском обществе и способствовала созреванию предпосылок для трех русских революций 1905 и 1917 гг. Третья русская социалистическая революция, которая состоялась в значительной степени благодаря тому, что в сознание *пролетариата как еще не класса* были «привнесены» передовые социальные научные идеи в тесной связи с идеологией (то есть было создано «опережающее развитие» общественного сознания), не ограничивалась разрушением остатков старого режима, но и «демонтировала» возводившееся здание нового модернистского буржуазного общества. Можно сказать, что произошло соединение общей закономерности рождения нового со своеобразным устройством России. Это своеобразие в конечном итоге предопределялось системой идеалов и ценностей, опирающихся на православную традицию. Россия с конца XIX – начала XX в. в контексте процесса всемирно-исторического развития превращается в реальную область альтернативного развития.

Социалистическая революция – это не мстительный бунт, а *творчески-критический процесс*, главное содержание и смысл которого составляют *самоизменения* посредством изменения творцами революции социальных предметных форм своей деятельности («обстоятельств»). Социалистическая революция, по сути дела, представляет собой возвращение из расщепленности, разорванности, самоотрешенности и самоотчужденности человека к самому себе как человеку *общественному*. И, следовательно, это – *гуманистически-образовательный процесс*, то есть процесс конституирования в адекватных себе формах собственно человеческого производства и перенесение целей созидания с вещного богатства на развитие человеческих способностей, человеческих сущностных сил.

Основательность этого процесса заключается не в торжестве «дна», ставшего «верхом», а в том, что он делает своим принципом «корнем для человека является человек», что «человек – высшее существо для человека». Его основательность состоит, наконец, в том, что он делает самоцелью тотальность *развития*, то есть раз-

вития всех человеческих сил как таковых, которые становятся основным источником *социального развития*.

Анализ объективных и субъективных факторов в складывании исторических альтернатив как в «страновом», так и в глобальных всемирно-исторических масштабах показывает, что наличие данных факторов и борьба за такой путь развития, для которого нет объективных возможностей в реальной действительности, не могут создать альтернативы. Так, например, не представляла альтернативный вариант социального развития борьба народников в нашей стране. Народники исходили из того, что капитализм в силу присущих ему противоречий представляет для России социально-исторический тупик. Они отстаивали вслед за А. И. Герценом идею о возможности для России благодаря наличию общины перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию.

По мере того, как исчезала привлекательность «идеализированного царства буржуазии» (Ф. Энгельс), вставал вопрос: можно ли, взяв за исходный пункт своеобразные традиции собственной страны («прошлое время»), миновать рифы буржуазного прогресса, от прогресса совсем не отказываясь? Чем отчетливее становились внутренние противоречия западноевропейской «современности», тем активнее в российской мысли становилась проблема: *как осуществить радикальные социальные преобразования, оставаясь в то же время самими собой?*

В лице А. И. Герцена русское западничество сблизилось с некоторыми чертами славянофильства. Герцен и народники-социалисты верили в особые пути России, в ее призвание осуществить лучше и раньше Запада социальную правду, верили в возможность для России избежать ужасов капитализма.

Исходя из этой идеи, опирающейся на концепцию «русского социализма» А. И. Герцена, народники вели борьбу за революционный социальный переворот, который, по их мнению, мог бы привести к установлению социализма. Но эта идея была утопией, так как в России в тот период (вторая половина XIX в.) еще не существовало объективных исторических возможностей для перехода к социализму. Поэтому героическая и в чем-то немного наивная борьба народников не создавала в российском «страновом» масштабе альтернативы: капитализм или социализм. В целом шел про-

цесс становления капитализма, весьма противоречиво сочетающийся с наличием самодержавной политической власти.

Народнический вариант некапиталистической модернизации России не мог быть реализован еще и потому, что народники, руководствуясь во многих аспектах правильной социологической теорией В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниэльсона, многие положения которой впоследствии оказались в научном арсенале институционального направления мировой экономической мысли, не смогли обеспечить опережающей рефлексии крестьянского общественного сознания, так как в целом их представления об интересах и устремлениях крестьянства были не вполне точны, они не сумели до конца правильно понять современную им историческую действительность и те объективные возможности последующего развития, которые ей присущи.

С А. И. Герценом, М. А. Бакуниним, В. Г. Белинским и даже такими зловещими революционерами, как С. Г. Нечаев и П. Н. Ткачев, русская мысль обратилась к действию. Но, не найдя точки приложения, она повисла в воздухе – русский народ, то есть темная и необразованная крестьянская масса, еще не был готов к организованной политической борьбе. Обнаружилось бессилие русской интеллигенции и разрыв между словами и делами.

Н. Г. Чернышевский был властителем дум не только радикальной интеллигенции 60-х гг., но и последующих поколений. С Чернышевским действие обратилось тогда к мысли, что она должна указать ему цели, средства и оправдывающую их мораль. Чернышевский пишет утопический роман «Что делать?», который стал как бы катехизисом русского нигилизма, настольной книгой русской революционной интеллигенции.

Социализм Чернышевского носил еще частью народнический, частью утопический характер, но уже более других являлся одним из предшественников социализма в 60-е гг. XIX столетия. Это признает Г. В. Плеханов, основатель русского марксизма, в своей книге о Чернышевском. К. Маркс для чтения Чернышевского изучал русский язык.

Чернышевский создал индивидуальную этику революции. Революционная жизнь в России превратилась в подражание Чернышевскому и его герою Рахметову.

Россия познакомилась с «Капиталом» гораздо раньше, чем те страны, для которых и о которых он был написан. Первая книга «Капитала» была переведена в 1872 г., через пять лет после ее публикации на немецком языке и за 15 лет до того, как ее перевели на английский. Марксизм давал в руки революционной интеллигенции гораздо более мощное теоретическое оружие, нежели материализм Чернышевского. Обращение русских революционеров в марксизм было сначала интеллектуальным, прежде чем стать обращением политическим, то есть они восприняли сначала марксизм по преимуществу со стороны объективно-научной. Более всего поразило учение Маркса о том, что социализм будет необходимым результатом объективного экономического развития, что он детерминирован самим результатом материальных производительных сил.

Следует отметить, что в возникновении марксизма в XIX в., помимо трех теоретических источников, большую роль сыграли и естественнонаучные предпосылки.

В XIX в. научная картина мира менялась. Начало XIX в. ознаменовалось не только войной с Наполеоном и восстанием на Сенатской площади, но и тем, что был сделан важнейший шаг от ньютоновского механицизма, который представлял мир как движение масс и оперировал двумя главными категориями: *массой и силой*. Когда в рассмотрение мира была включена энергия, возникла термодинамика, вместо массы и силы двумя универсальными категориями стали *энергия и работа*. Это было важное изменение. В картине мира появляется необратимость, нелинейные отношения. Создание теории идеальной тепловой машины Сади Карно означало определенный положительный научный сдвиг по отношению к изобретениям И. И. Ползунова и Дж. Уатта и произвело огромные культурные изменения. Эту трансформацию научного образа мира освоил и перенес в политэкономии Карл Маркс.

Маркс ввел в основную модель политэкономии цикл воспроизводства – аналог разработанного Сади Карно идеального цикла тепловой машины. Модель сразу стала более адекватной – политэкономия теперь изучала уже не простой акт эквивалентного обмена «товар – деньги», как было раньше, а полный цикл, который может быть идеальным в некоторых условиях. Но главное, что из термодинамического рассмотрения вытекало следующее: совершив иде-

альный цикл, нельзя было произвести полезную работу, так как эта работа использовалась для возвращения машины в исходное состояние. И, чтобы получить полезную работу, надо было получать энергию из органического топлива, которое является аккумулятором природной солнечной энергии.

То есть топливо было особым типом товара, который позволял получать работу. Когда К. Маркс ввел свою аналогию – цикл воспроизводства, в каждом звене которого обмен был эквивалентным, – то оказалось, что для получения прибавочной стоимости необходимо вовлекать в этот цикл совершенно особый товар – *рабочую силу*, платя за нее цену, эквивалентную стоимости ее воспроизводства. Рабочая сила была таким товаром, созданным «природой», который позволял производить «полезную работу». Так в политэкономии были введены термодинамические категории. В дальнейшем были отдельные, но безуспешные попытки развить особую ветвь энергетической, или «экологической», политэкономии (начиная с С. А. Подолинского, В. И. Вернадского и др.). Соединение траектории марксизма с экологической мыслью могло бы иметь достаточно большие положительные последствия и в значительной степени способствовало бы невхождению Запада в эколого-капиталистический тупик. Но этого, к сожалению, не произошло².

По сути дела, в переходе от цикла Карно к циклу воспроизводства был сделан неосознанный скачок через целую научную эпоху. В отличие от топлива как аккумулятора химической энергии, которая могла вовлекаться в работу тепловой машины только с ростом энтропии, рабочая сила – это явление жизни, процесса, крайне неравновесного и связанного с локальным уменьшением энтропии. Капиталистическая фабрика, соединяя топливо (аккумулятор энергии) с живой системой работников (аккумулятор негэнтропии) и технологией (аккумулятор информации), означала качественный сдвиг в ноосфере, а значит, принципиально меняла картину мира.

Но марксизм есть не только учение исторического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек уже не будет зависеть от экономики. Все определяется уже не объек-

² См. подробнее: Кара-Мурза, С. Г. Идеология и мать ее наука. – М., 2002. – С. 165–171.

тивным развитием материальных производительных сил, не экономикой, а революционной борьбой классов, то есть активностью человека. Человек может победить власть экономики над своей жизнью. Предстоит, по словам Маркса и Энгельса, скачок из царства необходимости в царство свободы. Этот аспект марксистского учения наиболее выпукло изложен в «Манифесте коммунистической партии».

Активным субъектом, который освобождает человека от рабства и создает лучшую жизнь, является пролетариат. Для того, чтобы пролетариат в решающий момент мог победить, он может рассчитывать только на будущее и должен образовать особую партию. Это и есть тот рычаг, которым можно будет перевернуть мир.

Поскольку трудовая теория стоимости К. Маркса и органично с ней связанная концепция научного коммунизма практически исключали из рассмотрения все природные, ресурсные и экологические ограничения для роста общественного богатства, то вера в возможность бесконечного прогресса получила в марксизме свое высшее, абсолютное выражение.

Это обстоятельство способствовало тому, что марксистское учение наиболее полно выражало социогенетически обусловленные интересы и стремления российской интеллигенции и в конечном итоге всего народа.

Следует заметить при этом, что после третьей русской революции новая политическая власть смогла удержаться в значительной степени благодаря тому, что воспользовалась лозунгами и программными установками, лежащими в основании народнической идеологии. Она наиболее последовательно и полно отражала потребность в формировании национально ориентированной экономики и точнее всего соответствовала общественным настроениям. Речь в данном случае идет прежде всего о «Декрете о земле»³.

Социалистическая революция открыла простор эффективному использованию в социально-экономическом развитии, по сути дела, нового источника – «человеческого фактора». Основным средством достижения социальной значимости стал труд. Высшая школа в СССР, несмотря на определенные трудности, в целом развива-

³ См.: Рязанов, В. Т. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 220.

лась активно, удовлетворяя общество, потребности восходящего воспроизводства культуры, науки, материального производства, системы обороноспособности в высококвалифицированных профессиональных кадрах⁴.

Именно в советский период наиболее отчетливо проявилась интегративная функция образования, так как социальная структура общества утратила социально-конфликтный характер, что, в свою очередь, было связано с установлением общественной формы собственности как основы экономической жизни общества.

Очевидно, что в контексте «внутренней логики» социально-экономических преобразований России незападный этап модернизации был практически безальтернативен в силу специфической российской социальной наследственности. То, что было сделано в конкретных обстоятельствах начала XX в., было сделано едва ли не единственным образом. Реальной социальной, политической и экономической альтернативы тому пути, на который вступила Россия в октябре, в *содержательном аспекте* практически просто не существовало. Можно говорить только об альтернативе, касающейся *формы* протекания социально-экономических процессов. Это была альтернатива *мирного и немирного* путей развития социалистической революции.

В рамках же всемирно-исторического процесса наблюдается вполне определенная альтернативность, или поливариантность.

Марксистская концепция, предлагающая *сущностный* анализ процесса всемирно-исторического развития и при «правильном» понимании не отождествляющая понятия «способ производства» и «общественно-экономическая формация», по сути своей является концепцией *полилинейной*, в своих основах признающей многовариантность общественного развития. Понятие общественной формации не совпадает в хронологическом аспекте с понятием способа производства в противоположность тому, что было принято в советских исследованиях по историческому материализму. Соподчинение этих понятий можно наблюдать в классическом виде на примере известного высказывания К. Маркса о том, что «в общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный,

⁴ См.: Субетто, А. И., Чекмарев, В. В. Битва за высшее образование России: 1992–2003 гг. – СПб.; Кострома, 2003. – С. 20.

способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁵. Нетождественность понятий общественной формации и способа производства достигает здесь высшей ступени: внутри экономической общественной формации сменяются по меньшей мере четыре способа производства. Терминологический аппарат К. Маркса является более совершенным по сравнению с советским идеологизированным «истматом», так как показывает, что деление на архаическую, экономическую и коммунистическую формации является делением совершенно другого уровня, чем выделение античности, феодализма и капитализма⁶.

В той же степени, в какой К. Маркс различал общественные формации и способы производства, он проводил различие также между революциями социальными и политическими. Согласно К. Марксу, социальная революция порождается противоречиями между производительными силами и производственными отношениями и опосредует смену общественных формаций. Этот термин используется либо для обозначения распада общинных связей и образования классов, либо для описания революций коммунистического типа. Между тем в рамках определенной общественной формации не возникает напряженного противоречия между производительными силами и производственными отношениями. В этот период «*всякое* (выделено мной. – С. Е.) изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях»⁷.

Революции, происходящие внутри экономической общественной формации, как, например, буржуазная революция, вызываются противоречиями между базисом и надстройкой. После таких революций не возникает качественно новых отношений, а лишь происходит экспансия вширь уже существующих. Таким образом, в Марксовой теории социальные революции отделяют друг от друга общественные формации, а политические революции разделяют способы производства внутри единой экономической общественной формации.

⁵ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 13. – С. 7.

⁶ См.: Иноземцев, В. Л. К концепции постэкономического общества. – М., 1998.

⁷ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 4. – С. 144.

Поэтому следует не согласиться с положением о том, что нельзя идти от капитализма вперед, не идя при этом к социализму. Этот тезис противоречит логике «аутентичного» марксизма, так как он, с одной стороны, опровергает возможность постепенного преодоления закономерностей экономической общественной формации, предсказывая ее быстрый крах, и, с другой стороны, отрицает полилинейность процесса общественно-экономического развития. Согласно теории К. Маркса, капитализм есть расцвет экономической общественной формации, и именно в этом наиболее развитом состоянии должен последовать незамедлительный крах. Привести примеры самоуничтожения общественной формы в период ее полного расцвета практически не представляется возможным.

При анализе всемирно-исторического процесса возникают большие основания для вывода о том, что сложившиеся линии общественно-экономического развития меняют направленность не в зоне наивысшего расцвета уходящей системы, а в «точках разрыва» на ее периферии, то есть там, где образуются «слабые звенья», где она в наименьшей степени укоренилась.

Первая социалистическая (социальная) революция произошла в стране не самого высокого уровня развития капиталистических отношений. В этой связи вполне правильной и естественной оказывается гипотеза В. И. Ленина об усилении неравномерности развития в эпоху империализма, о его «слабых звеньях» и возможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране с выходом затем на обоснование возможности «национализации революции», то есть строительства социализма в отдельной стране.

Концепция «слабого звена» является подкреплением тезиса о том, что российский путь развития со всеми его зигзагами и поворотами, кризисами и катастрофами в принципе не противоречит общим историческим закономерностям. Так же, как и другие страны в прошлом, Россия в начале XX в. оказывается в зоне разрыва старой линии эволюции и смены ее направленности. Но при этом Россия оказалась не просто «слабым звеном» в цепи империализма, но и областью прорыва нового качества, указав возможный путь дальнейшего общественно-экономического развития⁸.

⁸ См. подробнее: Рязанов, В. Т. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. – С. 395–402.

Следовательно, в контексте всемирно-исторического процесса наблюдается определенная альтернативность, или поливариантность: в русле генезиса капитализма даже не очень высокого уровня развития могут возникнуть возможности для перехода к социализму, которые при наличии определенных субъективных факторов способны превратиться в действительность. Такая возможность реализовалась в нашей стране в начале XX в. Но есть и другая возможность: капиталистическое общество может трансформироваться в так называемое «постиндустриальное» (по Д. Беллу), которое на самом деле является «капиталократическим» (термин А. И. Субетто). Капиталократическая цивилизация имеет вполне отчетливую тенденцию к глобализации, что проявляется в стремлении финансовой капиталократии к установлению господства над всем миром, над его ресурсами и интеллектом человечества. На «развилках» истории (в точках «бифуркации») выбор того или иного направления социально-экономического развития предопределяется в значительной степени социальной генетикой и национальным цивилизационным «кодом» («прошлым временем»).

Механизмом реализации доктрины контроля над интеллектом России является процесс «реформирования» высшей школы, проявляющийся, по сути дела, в ее недофинансировании и «миграции серого вещества» на Запад. Можно предположить, что в русле Болонского процесса «утечка мозгов» из нашей страны превратится в полноводный поток.

Очевидно, что в рамках данного небольшого сообщения можно сделать следующие выводы:

1) Успешная модернизация России может быть осуществлена только нерепформистским путем при наличии «опережающего развития общественного интеллекта», которое может быть произведено только властью или политической силой, стремящейся к власти и опирающейся на процесс социально-культурного наследования. Образование и наука в единстве их социокультурных и «учрежденческих» характеристик непосредственной причиной ни революционного, ни реформистского способов социальной трансформации быть не могут. Передовые научные социальные идеи лишь в тесном контакте с идеологией могут сформировать «осознанный» интерес (*то есть опережающее развитие «общественного интел-*

лекта») и способствовать в русле всемирно-исторического процесса правильному выбору (на основе социальной наследственности) той или иной возможности на «развилках» истории и превращению ее в действительность.

2) Действие потребности в переходе к новому качеству не означает обязательного его возникновения в период полного расцвета предшествующей экономической общественной формации. Как и другие страны в прошлом, Россия в начале XX в. оказалась «точкой прорыва» к новому социальному качеству в «слабом звене». Поэтому российская траектория социально-экономического развития со всеми ее специфическими особенностями, «взлетами» и «падениями» в принципе не противоречит общим историческим закономерностям.

3) Возврат России к обновленному социализму возможен именно потому, что она в силу своей социальной наследственности является «слабым звеном» в глобальном развитии постиндустриального общества. Период «второго капитализма» в России, начавшийся в конце XX в., является неформационным и неестественным (хотя и сознательно созданным и управляемым). Следовательно, на территории бывшего СССР вполне возможна победа «постсоциалистической революции» мирным путем.